

Письма о любви

> Историю жизни Лидии и Павла Сычевых расскажут они сами

КОГДА наша читательница Алла Лымарь передала в редакцию историю любви своих друзей – толстую папку переписки, мы оказались перед выбором: рассказывать ее самим или пусть письма говорят.

В них – непрдуманная нежность, но они не дают полной картины жизни двух любящих людей. А если рассказывать за них – можно дополнить историю эпизодами, не вошедшими в переписку. Но тогда потеряется задушевная интонация. И все же историю любви Лидии и Павла Сычевых расскажут они сами – строками писем, иные из которых написаны на тетрадных листках, рабочих бланках, фрагментах послевоенных плакатов с цитатами Сталина.

Первая часть относится к сорок восьмому. К этому времени Павел Прохорович в сорок четвертом выучился на химика флота в Угличе, и когда началось освобождение Кореи и Курил от Японских милитаристов, был направлен на Дальний Восток, где и дослуживал, а после войны работал по специальности. В сорок девятом его эпистолярный роман с Лидой закончился свадьбой, а в следующем году они с женой уехали к нему на родину – в Магнитку. Жили трудно, но дружно, сами построили дом.

Вторая часть переписки – письма жены Лидии Сычевой 1954 года, когда Павел Прохорович отправился во Владивосток в Высшее военноморское училище на переподготовку, успев отучиться в школе рабочей молодежи № 3 до девятого класса. Судя по фрагменту «металл-ской» зарисовки о Павле Сычеве 1967 года, остальные его университеты были еще впереди: он познавал всю жизнь. Еще один документ: благодарственное письмо – малое свидетельство достойной прожитой жизни.

Павел Прохорович уже ушел из жизни. Остались трое детей: сын и две дочери, внуки. Вдова хранит его письма и потемневшие фотографии. Здесь – только небольшая часть их переписки, где, к сожалению, пришлось из экономии места отказываться от многих нежных признаний в пользу повествовательности.

1948. Дальний Дальний Восток

Здравствуй, Лида!

Спешу уведомить: я жив и здоров, чего и тебе желаю от души. Но ни радости, ни утешенья прежнего нет. Хандра. Милая ты моя, как тяжело без тебя. Люблю тебя очень.

В конце рабочего дня одеваю в гражданское и – в город. Сегодня ходил по сопкам, заснял за деньги людей сотни на полторы, а пленку запарол. Так обидно. Но в следующем месяце получу деньги за два месяца, продукты по аттестату, куплю ботинки, еще займу денег и – в отпуск к тебе. Боже мой, подумать только: месяца через два обниму и расцелую тебя. Поеду к тебе, не откладывая. Подумаешь, нет денег. Любишь, так примешь и нищим. Что мы с тобой – в рестораны, что ли, ходить будем? Нет, разопьем бутылочку ради встречи, и хватит.

Крепись, милая, а я расшибусь, но постараюсь, чтобы и ты могла ко мне приехать, а там будет видно. Я буду часто с тобой, добьюсь, чтобы днем ходить на службу, а вечером и ночью, а также в выходной – быть вместе. Как другие: начинают и живут, проживем и мы. Ты будешь зарабатывать рублей 500–600, да я сотни две. Как-нибудь переберемся. Об этом поговорим, когда станет ясно с отпуском, а то как бы не получилось ерунды.

Я ни бороды, ни усов теперь не брею, солидные выросли. Только рыжие. Ну это ничего, рыжим больше доверия. Приеду к тебе, так и рыжего обнимешь и расцелуешь, это «хвакт».

Получил два твоих письма. Всегда так: получу письмо, сначала проглочу его, а потом читаю медленно, с наслаждением.

Жду от тебя кисет. У меня, конечно, есть портсигар, но мне хочется иметь кисет, сделанный тобой для меня. Я уж и трубку купил, чтоб курить из него табак.

Милая, спасибо за фото. Какая ты у меня милая и хорошая. Гляжу на него – и радостно, что мы наперекор всему столько лет дружим с тобой, но и сомнения... Боже мой, я рядовой матрос – и вдруг у меня будет прекрасная, с замечательным характером жена. Ведь ей под стать только офицер, инженер или техник, но не рядовой матрос с мечтой о маленьком счастье в маленькой семье. И разом вспыхивает ревность. К кому? Сам не понимаю.

КОЛАЖ: Ксения Сергеева

Ведь я даже не знаю, кем буду, хоть и мыслю: фотографом. Я, Лида, не гонюсь за славой. Я не смогу выучиться на инженера, я простой русский и хочу жить попросту, как жили родители, ибо лучшего не добьюсь. Да и нет ничего унижительного в такой жизни. Так живут миллионы. Жили и родители – и вырастили нас. И мы с тобой не хуже их проживем. Придется, Лида, работать много, возможно, даже крестьянствовать, заниматься огородом, что-то из скота держать. Пойдешь ли ты на эту жизнь? Не будешь ли жаловаться на судьбу, кинувшую тебя в руки такого мешанина, как я? Это вопрос для меня очень важный: лучшей жизни я вряд ли добьюсь, следовательно, мне нужна такая подруга, чтобы разделяла мои взгляды. Подумай и дай ответ. Если ты против, то, как я ни люблю тебя, голос рассудка подсказывает: только разрыв.

Правда, есть еще выход: вызвать тебя ко мне на родину, и ты, вне всякого сомнения, пойдешь по этой дороге.

Я тут на побывке имел разговор с родителями о тебе. «Отслужишь, сынок, приезжай, женись, найдем тебе невесту». – «Невесту мне не надо. Вы когда-то женили Ивана (младший и единственный мамин брат, убит на фронте), а были ли они счастливы?» Матушка замаялась. Я им показал твоё фото, рассказал о тебе. Они отнеслись холодно: мол, тот же назем, да издалека привезен. Узнав, что ты учительница, матушка заметила: нам бы в родство попросить брата. Но тут же и возразила себе: у Кривенковых Федя женат на учительнице, она не зазнается, а уж какая спокойная да работающая. «Что ж, сынок, жить тебе, только уж бери, чтобы у нас сердце не болело, глядячи на вас». На другой день телеграмма от тебя: «Почему молчишь жду писем целую Лида». Пока ее на дом несли, весь Песчаный успел прочесть. На вечеринке я с удовольствием отметил, что влюбленных глаз, обращенных на меня, уже совсем не было.

Лида, чувствуешь, что лето – долой? Осталось меньше! На уме только демобилизация. Для меня свободное время – мука. Привет маме. Крепко тебя целую. Твой Павел.

1954. Неблизкая Магнитка

Куда: Владивосток, вторая речка, в/ч Н, Сычеву П. П.

Откуда: Магнитогорск, поселок Димитрова, Туковая, 33, Сычевой Л. П.

Здравствуй, Павлик! Только что получили

первое твоё письмо. Ну как? Не скучаешь? Я – так просто не нахожу себе места. Тебя вспоминаю каждую минуту, кажется, не дожусь, когда приедешь.

В спальне обвалилась штукатурка с потолка. Он после дождя мокрый. Подставила тазы и ведра. Нужно бы начинать мазать сырой фундамент, но холодно. Тепла еще не было.

Завтра на работу. В отпуске восемнадцать дней прошли быстро: успела все пошить, постирать. В кино была один раз. Да какое мне кино? Павлик, дорогой, как я скучаю по тебе. Немного отвлекаюсь вечерами, когда слушаю радио, да еще когда сильно увлекусь игрой с ребятами. Галка нашкодничает, закричу на нее, она выпятит губки и тянется целовать. Не поцелуешь – заплачет. Увеличила свой лексикон: говорит «тетя», «дай», «иди». Зубиков все нет. А Татьяна капризничает: слезы и слезы.

Целую крепко, крепко. Твои Лида, Галя, Таня.

Привет от бабушки Клавды, Сергея.

Здравствуй, Павлик, Получила от тебя сразу три письма. Слово наговорилась с тобой.

Если нужны деньги, я вышлю. Было бы хорошо, если бы ты посмотрел шубки девочкам. Валенок я постараюсь купить.

Сегодня получила расчетную книжку.

За апрель 388 рублей, за май 816 – это с премией. Думаю послать маме на толь сотни две, да ружье тебе взять, да надо навалочек, пододельник. Из августовской полочки думаю оставить все деньги для тебя: вернешься – надо рубашку, обязательно фуражку.

Милый, дорогой Павлик. Только что получила твоё письмо. Картошку всю прополола на Песчаном, сейчас окуиваю около дома.

Такая жара, что днем невозможно выйти на улицу. Таня в корыте сидит. Галка у меня на руках голенькая, так жарко. У нее уже три зубика. Пишу, а она все норовит размазать пальчиком. Таня берет ее за руку и ведет по улице – так смешно.

О тебе вспоминаю каждый день. Особенно когда я ходила на картошку: даже искупаться в Урале нельзя. Кругом мужчины, а тебя нет. Был бы – я б не побоялась. Да и устаю, когда иду обратно.

Недавно видела Витьку, что с тобой сдавал на мотоциклиста. У них уже «Москвич». Вот здорово: едут все в воскресенье на рыбалку! Около нас остановился, привел тебе передал. Я грешным

делом подумала: не купить ли и нам такую же штуку. Это не то, что мотоцикл.

Павлик, ты говоришь о смоле и о пеке. Я, право, не знаю, где взять. Конечно, постараюсь. Камней соберу.

Ходила в ясли, туда очередь нужно занимать. Пристроить бы Галю. Целый день там, и питание разнообразное. Только как с Таней? Обоих бы в ясли, а то Тане скоро три, ее только в садик, а туда еще труднее пристроить. А сейчас как: или ими заниматься, дела забыть, или делами, а они без присмотра – скверно. Галочка уже большая, такая интересная, ты ее не узнаешь, да и она тебя. Таня тебя часто вспоминает. Говорит, соскучилась. Уже недолго осталось ждать, почти три месяца прошли, еще дней тридцать, да?

Насчет питания у нас плохо. Мяса нет, разве что свинина. Беру редко: в нашем магазине и ее нет, а на базар – далеко. Колбаса еще режет. Консервы только в масле, томатных нет. Берем молоко и молочные продукты. Яички доченьки не едят. Насчет топливной книжки еще не ходила.

Как тебя не хватает. Особенно по вечерам. Сейчас как бы хорошо съездить на озеро покататься. А с девочками куда пойдешь? Мне бы хотелось их туда сводить, но как с ними туда добредешь?

Пашенька, родной, если бы ты сейчас был со мной, нам совсем не понадобились слова, мы и так поняли бы друг друга.

Получила твоё письмо. Спасибо, родной.

Я продолжаю работать с осенниками. Квартируем по школам. Теперь я в сорок второй, возле вашей. Буду заходить. Видимо, придется съездить насчет учебников в Когиз (отделение книготоргового объединения государственных издательств. – Прим. ред.). Тебе ведь нужны книги.

Деньги я уже получила. Только вот беда: Тане малы туфли № 21, нужны № 22, а его нигде нет у нас. Не могу и себе нигде взять № 36–37. Тапки взяла в мае, но они уже худые. Не могу купить. Придется на базар. По дороге встретишь № 22 – Тане возьми.

Соскучилась. Иду спать одна. Когда же вместе...

Вчера получила твоё письмо. Спасибо, родной. Время идет медленно, и в то же время жаль, что уходит. Приедешь – и сразу в школу и тебе, и мне. Вместе не отдохнем. Была в вашей школе: учебников не будет. Не знаю, достану ли. Надо с Анатолием переговорить. У него, вероятно, остались.

У наседки уже один цыпленок, будут еще: она не сходила с места, насиживала.

Покрасила пол в зале. В понедельник возьмусь за кухню и спальню. Замазала одну стену сарая. Больше нет глины, а привезти не на чем и не с кем, и доченьки мешают: за мной тянутся.

Обе баловни, но сравнительно послушные. Убираю воду, а то разольют всю. Здоровы, гуляют, жуют папочку.

Осталось ждать недолго, а на сердце тревожно.

1967. Основатель цеха

...С первых дней пуска работает во втором листопрокатном цехе мастер по валкам, коммунист, рационализатор Павел Прохорович Сычев. За годы работы он окончил школу рабочей молодежи, горно-металлургический институт, философский факультет университета марксизма-ленинизма... («Магнитогорский металл»).

1995. Никто, кроме вас

Благодарственное письмо
Сычеву Павлу Прохоровичу

Уважаемый ветеран!

Примите сердечные поздравления с 50-летием Великой Победы. Выражаем вам самые теплые и искренние слова благодарности за Ваш личный вклад в защиту Отечества и разгром врага. В час тяжелых испытаний Вы без колебаний встали в строй защитников Родины и победили. Никто, кроме вас, не знает, какой ценой физического и духовного напряжения удалось успешно довести эту страшную войну до Победы.

Огромное спасибо вам, низкий земной поклон и вечное уважение и признательность. Крепкого здоровья вам, бодрости духа и мирного неба. Добрые пожелания вам, вашим близким, детям и внукам.

9 Мая 1995 года.

Правление АО «ММК», профком АО «ММК»